Поддубцев Руслан Александрович, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Москва, Россия; e-mail: poddubtsev@gmail.com, ORCID 0000-0002-0139-8853

ВИЗИТ Ф. Т. МАРИНЕТТИ В РОССИЮ И РУССКИЙ ФУТУРИЗМ: ВЗГЛЯД ГАЗЕТЫ «НОВЬ»[1]

События, связанные с пребыванием итальянского футуриста Ф. Т. Маринетти в Москве, рассматриваются в статье через призму материалов, которые публиковались в ежедневной газете «Новь» с 23 января по 18 февраля 1914 г. Это репортажи с лекций, программные статьи, интервью, заметки, открытые письма, фотографии и карикатуры. Если поначалу Маринетти воспринимался сотрудниками газеты как приемлемая альтернатива русским декадентам, то в дальнейшем ему было отказано в статусе идейного вождя. Футуризм как таковой подвергся резкой критике. «Новь» не только подробно освещала визит заграничного гостя, но и стала площадкой для полемики между московскими представителями авангарда (М. Ларионов, В. Шершеневич, К. Малевич, В. Маяковский, К. Большаков, Д. Бурлюк). На ее страницах складывались и разрушались тактические союзы, делались принципиальные заявления. Несмотря на скептическое отношение к левому искусству, газета так или иначе способствовала его популяризации. При этом критика футуризма парадоксальным образом сочеталась с эксплуатацией методов, которыми пользовались футуристы.

***Ключевые слова**: Ф. Т. Маринетти, «Новь», футуризм, лучизм, лекция, манифест, скандал.*

Как цитировать: *Поддубцев Р. А.* Визит Ф. Т. Маринетти в Россию и русский футуризм: взгляд газеты «Новь» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2024. № 1. С. 111–128. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2024.111128

Ruslan A. Poddubtsev, Associate Professor at the Chair of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher at the Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russia; e-mail: poddubtsev@gmail.com, ORCID 0000-0002-0139-8853

F. T. MARINETTI'S VISIT TO RUSSIA AND RUSSIAN FUTURISM: THE VIEW OF THE NOV NEWSPAPER

This study is devoted to F. T. Marinetti's visit to Russia. The events connected with the stay of the Italian futurist in Moscow are considered through the prism of texts published in the daily newspaper Nov from January 23 to

February 18, 1914. These are reports from lectures, articles, interviews, notes, letters, photographs and cartoons. If at first Marinetti was perceived as a good alternative to Russian decadents, later he was denied the status of an ideological leader. Futurism as such was heavily criticized. The Nov newspaper not only covered the visit of a foreign guest in detail but also became a platform for polemics between Moscow representatives of the avant-garde (M. Larionov, V. Shershenevich, K. Malevich, V. Mayakovsky, K. Bolshakov, D. Burlyuk). Tactical alliances were formed and destroyed on its pages, principled statements were made. Despite the skeptical attitude towards leftist art, the newspaper somehow contributed to its popularization. At the same time, the criticism of futurism was paradoxically combined with the exploitation of the same methods used by the futurists.

***Key words**: F. T. Marinetti, Nov, futurism, luchism, lecture, manifesto, scandal.*

To cite this article: Poddubtsev R. A. (2023) Vizit F. T. Marinetti v Rossiyu i russkiy futurizm: vzglyad gazety «Nov'» [F. T. Marinetti's Visit to Russia and Russian Futurism: the View of the Nov Newspaper]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika 1*: 111–128. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2024.111128

DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2024.111128

Введение

Ф. Т. Маринетти приезжал в Россию в начале 1914 г. Его визит стал важным событием в культурной жизни Москвы и Петербурга. Ведущие периодические издания обеих столиц уделили внимание лидеру итальянских футуристов. О Маринетти и его эстетической программе писала, в частности, газета «Новь»[2]. Многие материалы этой газеты приведены в статье Н. Р. Алякринской «Маринетти в зеркале русской прессы» (2003: 77–89), работе Н. И. Харджиева «“Веселый год” Маяковского» (2006: 112–134) и трехтомнике А. В. Крусанова «Русский авангард» (2010: 98–147). Упоминает суворинское издание и Б. Лившиц в мемуарах «Полутораглазый стрелец» (1989: 470). В то же время некоторые тексты, посвященные Маринетти, до сих пор не рассматривались историками журналистики. Их можно выявить, обратившись к росписи содержания «Нови» за январь–февраль 1914 г. (Русская литература и журналистика, 2021: 562–590) Цель данной статьи – собрать и систематизировать все публикации и, главное, охарактеризовать позицию газеты.

Накануне приезда

Журналисты «Нови» заговорили о Маринетти за несколько дней до его появления в Москве. 23 января П. Кожевников знакомит читателей с итальянским футуризмом в кратком фельетоне. Наиболее ярким среди новых итальянских поэтов он считает П. Буцци, а вовсе не Маринетти. Книги последнего критик оценивает так: «<...>при всей их смелости и талантливости, к ним всегда приложим эпитет: курьезные»[3]. В целом же Кожевников уважительно отзывается об эстетическом направлении, бывшем тогда у всех на слуху. Он резюмирует: «Оптимистический взгляд на вещи, которые прежде принимались пессимистически, – вот то положительное, что прежде всего внесено футуризмом в литературу»[4]. Речь здесь идет именно об итальянцах – в русском футуризме критик не находит ничего мужественного и героического. Это симптоматичная деталь. На нее, анализируя ожидания публики, указывает А. В. Крусанов: «Совершенно очевидно, что Маринетти воспринимался русской публикой как модный заграничный гость, проповедник экстравагантных идей и безусловный авторитет в области футуризма. И накануне его визита в Россию столичным общественным мнением он рассматривался как союзник по борьбе с русским футуризмом» (2010: 105). К слову, фельетон в «Нови» проиллюстрирован портретами художников Н. Гончаровой и М. Ларионова. Причем рядом с одним из портретов помещена подпись: «Наши футуристы». В то же время фамилии русских поэтов-футуристов в тексте не упоминаются ни разу.

25 января в газете выходит заметка «К приезду Маринетти»[5]. Из нее мы узнаем о том, что организатором визита выступил критик Г. Тастевен. «Апостола итальянского футуризма» ждут со дня на день.

26 января

Маринетти приезжает в Москву 26 января. Помимо Тастевена, поэта на вокзале встречают А. Толстой, В. Шершеневич, К. Большаков и еще несколько десятков человек. Маринетти охотно дает интервью. В этот день на первой полосе публикуют фотографии знаменитого гостя и дружеский шарж[6]. Никаких дополнительных сведений о приезде Маринетти читатели «Нови» не получили.

Зато они могли прочесть заметку, посвященную фильму «Драма в кабаре футуристов № 13», над которым работали уже упоминавшиеся Гончарова и Ларионов[7]. Акцент снова перемещается с поэзии на визуальные искусства. Редакция как будто сознательно обостряет конфликт, и без того принимающий резкие формы. В том же номере печатается открытое письмо Шершеневича. Он вступает в полемику с Ларионовым, который в интервью газете «Вечерние известия» призвал забросать Маринетти тухлыми яйцами и облить кислым молоком. Шершеневич заявляет: «Прошу довести до сведения читателей, что слова и угрозы г. Ларионова не имеют никакого отношения к намерениям русских футуристов, так как... проявлять явное некультурство на лекции Маринетти никто из нас не хотел и не хочет. Впрочем, конечно, мы отвечать за сумасбродства кого бы то ни было не можем»[8]. Активная борьба шла, с одной стороны, за исключительное право называться русскими футуристами, а с другой – за международное первенство. Умеренные авторы вроде Шершеневича признавали авторитет Маринетти, а радикально настроенный Ларионов утверждал, что итальянцы порвали с подлинным футуризмом, сохраненным и развитым в России.

28 января

Первая лекция Маринетти проходит 27 января в Политехническом музее, вторая – на следующий день, 28 января, в Малом зале консерватории. Публика тепло принимает теоретика футуризма. Между тем дискуссия в «Нови» заметно активизируется. 28 января появляется реплика К. Малевича. Он в свою очередь пишет: «<...>присоединяюсь к письму Вадима Шершеневича и заявляю, что забрасывание тухлыми яйцами, обливание кислым молоком, а также пощечины, на чем строит свой футуризм и популярность лучист Ларионов – принадлежат дикой толпе, к которой приобщается и он <...> Прошу вас довести до сведения читателей, что группа русских футуристов-художников с лучистом Ларионовым ничего общего не имеет и ограждает себя от такого главы»[9]. Таким образом, можно говорить не только об оппозиции «поэты–художники», но и о расколе в стане художников.

Одновременно с письмом Малевича выходит еще несколько материалов. Прежде всего – репортажи с вокзала и первой лекции. Интересно, что встречающие изображены не без иронии:

«На перроне, в ожидании поезда, с которым должен приехать Маринетти, собрались друзья и последователи апостола футуризма. Нервно подергивая рукой, внимательно смотрит вперед Г. Тастевен, рядом с ним монументальный гр. А. Толстой. В кучку сбились наши футуристы. В. Шершеневич, К. Большаков, Топорков. Их немного, несколько человек, кажется, назвал всех»[10]. Лаконичный портрет Маринетти, напротив, нарисован с нескрываемой симпатией: «При первом взгляде он сразу покоряет и располагает к себе. Энергичное, живое лицо, на редкость красивое. Черные глубокие глаза, насмешливо и живо глядят на собеседника. Маринетти полон огня, он весь горит, пылает»[11]. Далее следуют восхищения импровизированной речью гостя.

Репортаж с вокзала не подписан, а автором репортажа с лекции, подписанного «Т–д», является, очевидно, Я. Тугендхольд[12]. Он сразу выделяет главное. По его мнению, Маринетти покорил публику «не сущностью своей речи, а своим южным темпераментом, своей ртутной подвижностью, своей латинской жизнерадостностью <...>»[13]. Эти слова не звучат как похвала. Кстати, о двойственном отношении критики позже вспоминал Лившиц: «<...> восхищаясь темпераментом и ораторским дарованием Маринетти, превознося его находчивость и полемический талант, отдавая дань его виртуозной декламации, почти все без исключения журналисты отделяли эти личные качества главы итальянского футуризма от проповедуемых им теорий» (1989: 471). И все же Тугендхольд настроен достаточно доброжелательно. Он подчеркивает, что на фоне русских футуристов Маринетти выигрывает. Вот его вывод: «Маринетти талантлив и искренен, верит в свое дело и чужд русской фракционности»[14]. Репортаж Тугендхольда перекликается с фельетоном Кожевникова. Оба автора ценят присущее Маринетти жизнелюбие и говорят о поэзии лишь вскользь.

Последний материал в этом насыщенном номере – футуристический манифест «Долой танго и Парсифаля»[15]. Шершеневич публикует перевод нового текста, созданного Маринетти, не сопровождая его содержательными комментариями.

29 января

Номер «Нови» от 29 января получился не менее информативным. Он открывается фотографией с первой лекции итальянского поэта[16]. Примечательно, что в дискуссии об актуальном лите-

ратурном направлении участвует А. Боровой, ведущий сотрудник газеты, который обыкновенно высказывался на политические и социальные темы. В ежедневной колонке на второй полосе он скептически пишет о Маринетти и футуризме. Боровой восклицает: «Бомбы и война! Боже! Какая давность! Какие старые, прочные ценности! Пусть Маринетти нам скажет, что старше: война или Рим, музей или бомба?»[17]. И ниже: «В вечно кипящем горне жизни родятся вечно новые мысли. И не нашим современным ценностям футуризм должен сказать: “остановись, мгновенье! ты – прекрасно”»[18]. Боровой предпринимает экскурс в европейскую историю, чтобы почерпнуть в ней аргументы для спора. Его отклик имеет философскую и политэкономическую подкладку. Это мнение последовательного сторонника анархизма, в прошлом марксиста.

Тугендхольд в статье, напечатанной по соседству с колонкой Борового, дает оценку сразу двум лекциям Маринетти, развивая собственные мысли, высказанные ранее по поводу первой лекции[19]. Этот материал начинается с изложения ключевых тезисов и описания реакции публики. Затем Тугендхольд переходит к обобщениям: «В прошлой статье своей я поставил вопрос: во имя чего Маринетти зовет нас к будущему? Тогда еще я не знал Маринетти; теперь я убедился в его искренности, теперь я готов взять обратно свое определение его как итальянской карикатуры на Базарова, ибо он прежде всего больший европеец, чем Базаров. Но – увы! – ответа на свой вопрос я так-таки и не получил!»[20]. Критик здесь более строг, чем в репортаже. Он заключает: «Если бы мы, русские, не были развинченными интеллигентами, у нас было бы меньше самоубийц, и для нас полезно заразиться южной жизнерадостностью Маринетти. Но все-таки для того, чтобы *жить* и *верить*, этой религии мускулов недостаточно»[21]. Даже пассаж о жизнерадостности, отсылающий нас к соответствующей антитезе из «прошлой статьи», звучит не очень оптимистично. Идеология Маринетти уже не кажется Тугендхольду перспективной. Позиция газеты в целом тоже становится конкретнее и жестче.

Коротко стоит сказать о двух анонимных текстах, появившихся в том же номере. Это репортаж со второй лекции, а также беседа с Маринетти. В них констатируется, что публика осталась довольна выступлением, а гость – оказанным ему в Москве приемом. Обратим внимание на проблемный момент. Автор репортажа замечает: «Когда Маринетти перешел к русским футуристам, то выразил

свое удивление по поводу их недовольства им и заявил, что приехал к ним для общения, а не затем, чтобы давать им урок»[22]. В беседе с журналистом «Нови» итальянский поэт тоже проявил дипломатичность: «Г. Маринетти стал говорить о том грандиозном впечатлении, которое на него произвел город. Он сказал, что хотя он и футурист, но русская старина ему очень нравится, он давно мечтал ознакомиться с древними хранилищами, имеющимися у нас <...> Особенно ему понравилась живопись, имеющаяся в древних храмах Кремля»[23]. До сих пор Маринетти не имел возможности испытать на себе гнев русских футуристов, которые отправились в турне по провинции. Конфликт носил заочный характер. В дальнейшем и гость будет не столь деликатен, и количество недовольных увеличится.

И еще один материал – открытое письмо Ларионова. Он отреагировал на обвинения эстетических оппонентов. По поводу тухлых яиц и кислого молока Ларионов отвечает Шершеневичу: «<...> было напечатано не интервью со мной, а заметка репортера, в которой фигурально (забросать Маринетти тухлыми яйцами) выражено мое идейное отношение к Маринетти»[24]. И тут же: «Для большего пояснения добавлю, что искренно думаю, что Маринетти от настоящих современных футуристов заслуживает тухлых яиц и что ему аплодируют только русские филистеры»[25]. А по поводу разрыва отношений с Малевичем Ларионов иронично пишет: «В ответ на отмежевывающегося от меня г. Малевича могу сказать, что я никогда и не был с ним соединен общностью художественных взглядов и удивляюсь, что и он причисляет себя к футуристам. Для меня г. Малевич, как футурист, является “необитаемым туземцем”»[26]. Очевидно, что главным противником Ларионов считал не Шершеневича и Малевича, на которых он смотрел свысока, а Маринетти. Но и итальянский футурист не вызывал у него большого уважения. Ларионов, проповедовавший вместе с Гончаровой и другими художниками новомодный лучизм, считал идеи Маринетти изжитыми и потому ненужными.

30 января

30 января в Малом зале консерватории проходит третья лекция гостя. После нее Маринетти направляется в Литературно-художественный кружок, где случайно встречает Ларионова. Ссоры удается избежать, выяснение отношений откладывается.

Третий день подряд в «Нови» значительное место занимают публикации, затрагивающие тему футуризма. Номер от 30 января открывается анонимной заметкой, в заголовок которой вынесена брошенная кем-то из публики фраза: «Но это банально, старикан!». Автор дает вульгаризованную трактовку учения Маринетти: «Сладкое – сладко. Силы надо направлять на добычу сладкого, в форме раскрытия темперамента, свободы темпераменту, служения темпераменту – жить Валтасаром и нраву моему не препятствуй! По Москве это действительно – банальность и уже отжито»[27]. А под конец восклицает: «Нельзя ли чего-нибудь получше, г. Маринетти, и поновее! Жевать сладкую тряпку хотя бы и с пылкостью вулкана – жизнь этим, право, не наполнить»[28]. Показательно, что спустя несколько месяцев сотрудники «Нови» будут отказывать в новаторстве уже русским футуристам, называя их «старичками» (Поддубцев, 2019: 118–119). Это свидетельствует, с одной стороны, о некой выдержанности, с другой – о провокационной стратегии газеты. Весной 1914 г. на ее страницах часто встречалось имя Маринетти, а осенью печатались стихи К. Большакова, В. Маяковского, Б. Пастернака, Н. Асеева, Д. Бурлюка. При этом газета стояла на умеренных эстетических позициях, в большинстве случаев отдавая предпочтение таким авторам, как Е. Белогорская, В. Горянский, Ф. Чернов.

Рядом с анонимной заметкой помещается колонка Борового. Поводом для ее написания послужила вторая лекция Маринетти и появление манифеста «Долой танго и Парсифаля». Боровой опять сосредотачивается не на художественных особенностях, а на социологических закономерностях. Он пишет: «Сегодня Москва рукоплещет феминизму, завтра философии патетически настроенного коммивояжера, сегодня наслаждается танго, а завтра “Парсифалем”. Как может быть иначе? Ведь все мировые ценности, не исключая танго и Маринетти, пока еще – предмет услады “верхних десяти тысяч” – бездельной, избалованной толпы, снующей, мечущейся от одного развлечения к другому. Не все ли им равно, кто их забавляет?»[29]. Среди всех критических откликов в газете «Новь» это высказывание выделяется категоричностью и фундаментальностью. Боровой оказался левее самых левых авангардистов.

Затем следует репортаж с третьей лекции «Г. Маринетти в натуре». В отличие от текстов, посвященных двум предыдущим выступлениям, он написан в разоблачительном ключе и полон резких

формулировок. Если Тугендхольд с одобрением говорил о «ртутной подвижности» Маринетти, то автор, скрывшийся за псевдонимом «Ф.», оценивает лектора иначе: «<...> говорит из рук вон плохо. Скороговоркой, причитыванием, захлебываясь, торопливо, брызжа слюной, то вскрикивая, то хрипло пришепетывая<...>»[30]. И еще: «<...> эта поспешность очень безобразная, нервирующая и вовсе ни для чего ненужная»[31]. Тем не менее публика смеется и рукоплещет. Маринетти примирительно восклицает: «Я пришел сказать русским футуристам, что нет нигде первых футуристов, и итальянцы, и французы, и вы, и я – все первые футуристы там, где страна отстала и нужны люди “будущего”»[32]. Ближе к финалу в притихшем зале звучит упоминавшаяся выше реплика про «старикана», которая ненадолго приводит лектора в смущение. Намечается скандал. И именно этим репортер объясняет реакцию публики: «На самую “лекцию” эту смотрят, как на скандал <...> Потому и “успех”»[33]. Впрочем, все завершается вполне благополучно.

С репортажем соседствует карикатура под названием «Триумф Маринетти», на которой изображено, как поэта принимали в Милане и в Москве[34]. В первом случае его забрасывают тухлыми овощами, а во втором – ему преподносят цветы. Вновь обратимся к воспоминаниям Лившица о Маринетти: «Его, ненавистника лунного света, мизогина, разрушителя музеев, непримиримого противника филистерства, засыпали цветами, раздушенными дамскими записочками<...>» (1989: 471–472). И по репортажу, и по карикатуре видно, чего, с точки зрения редакции, стоит такой «триумф».

В том же номере помещают очередное письмо Шершеневича. Борясь за право называться русским футуристом, он пишет: «Г. Ларионов уверяет, что футуризм – прошлое, так как уже есть лучизм. Но ведь если все измерять только датой, то и лучизм – прошлое, так как есть симультанизм»[35]. Далее идут обвинения в дикости и некультурности. А в конце – важное замечание: «Еще раз сожалею, что мои друзья – Вл. Маяковский, И. Северянин, Р. Ивнев, Д. Бурлюк, Каменский и др. – вне Москвы и не могут скрепить этого моего письма своими подписями»[36]. В действительности не все из перечисленных поэтов готовы были подписаться под словами Шершеневича. Предстояло разобраться, кто выступает против Ларионова, а кто занял нейтральную позицию.

Маринетти и кубофутуристы

31 января Маринетти вместе с Тастевеном уезжает в Петербург[37]. «Новь» печатает два материала, в которых подводится черта под событиями, уложившимися в четыре дня. Н. Кузьмина в заметке «Грустное прощание» обобщает: «Начав триумфом, Маринетти кончил кисло»[38]. А Ларионов пытается поставить точку в полемике с Шершеневичем и прочими: «<...> г. Маринетти, проповедующий старую дребедень – банален и пошл; годен только для средней аудитории и ограниченных последователей»[39]. Так завершился первый период пребывания итальянского поэта в Москве.

Между тем прерывают турне по провинции Маяковский, Д. Бурлюк и В. Каменский. Они отправляют в «Новь» письмо, в котором излагают свои взгляды на футуризм. Вот суть их высказывания: «<...> еще 2 года назад, во II садке судей, нами было указано, что мы с итальянским футуризмом ничего общего, кроме клички, не имеем, ибо в живописи Италия является страной, где плачевность положения – вне меры и сравнения с высоким напряженным пульсом русской художественной жизни последнего пятилетия. А в поэзии: наши пути, пути молодой русской литературы продиктованы историческим обособленным строем русского языка, развивающегося вне какой-либо зависимости от галльских русл. О подражательности нашей итальянцам (или же наоборот) не может быть и речи, ибо наши вещи написаны ранее (в 1907 году, садок судей I-й)»[40]. Долгожданный ответ внес некоторую определенность, но идейный узел не был распутан. Подпись гласила: «Бурлюки, В. Каменский, Маяковский, Матюшин, Крученых, Лившиц, Низен, Велимир Хлебников»[41]. Вскоре Лившиц, Крученых, Матюшин и Н. Бурлюк заявили, что они не принимали участия в составлении письма. Опять наметился раскол.

Все должна была решить личная встреча с Маринетти. Ждали его возвращения из Петербурга. 6 февраля выходит заметка, анонсирующая лекцию гостя в «Обществе свободной эстетики». В ней, в частности, сказано: «Предполагается, что лекция будет сопровождаться прениями, в которых по всей вероятности примут участие русские футуристы. Между прочим, большинство их не говорит по-французски, и прения будут вестись с помощью переводчика»[42]. Корреспондент немного ошибся в дате: Маринетти приехал не «завтра», как сообщалось в заметке, а 9 февраля.

Его приезд уже не производит эффекта. Только на третий день «Новь» раскрывает подробности, касающиеся предстоящей лекции: «<...> к нему (Маринетти. – *Р.П.*) явились представители о-ва “Свободной эстетики” г-жа И. М. Брюсова и г. Кожебаткин и убедили остаться лишний день и выступить <...> на собеседовании в Лит.-худ. кружке»[43]. Свою последнюю неделю в России Маринетти проводит в картинных галереях, цирке, трактирах и чайных. В интервью он делится свежими наблюдениями: «Сравнивая Питер и Москву, Маринетти отдает предпочтение второй, говоря, что она более живописный центр в смысле характеристики всего русского. Но его все-таки не удовлетворяет та медлительность движения, в прямом смысле слова, какая существует у нас»[44]. Кубофутуристы тоже не теряют времени. 12 февраля они присутствуют на диспуте «Последние течения – общество и молодежь» в Политехническом музее. В прениях участвуют Маяковский и Д. Бурлюк. Вот фрагмент из напечатанного в «Нови» репортажа: «<...> г. Бурлюк, разрисовавший себе всю физиономию, старался доказать, что итальянский футуризм ничего общего с русским не имеет, что динамика жизни, которую воспевает Маринетти, есть лишь *подпочва* в творчестве»[45]. И далее: «<...> еще раз выступил экспансивный Бурлюк и наговорил таких эпитетов по адресу диспутантов, что в аудитории поднялся невероятный шум, и собрание было закрыто по распоряжению полиции»[46]. Сорванный диспут стал репетицией ссоры, которая произошла днем позже в Литературно-художественном кружке.

Скандал в Литературно-художественном кружке

13 февраля Маринетти читает лекцию «О самых крайних исканиях футуризма в поэзии и живописи». Наиболее радикальные представители русского авангарда наконец получают возможность лично выразить протест. Снова обратимся к газетному репортажу: «Русские “футуристы” были на этот раз в сборе – раскрашенные и в красных пиджаках, они несколько раз пытались сорвать лекцию. Им не давали говорить по-русски, так как лектор говорил по-французски <...> Расходиться стали очень неохотно. Малопомалу перекочевали в другую аудиторию, где происходила лекция С. С. Голоушева (Глаголя). Господа “футуристы” появились за столом среди официальных оппонентов и очень скоро заговорили. Очень грубо и возмутительно неприлично стал говорить разрисо-

ванный по обеим щекам Бурлюк <...> После Бурлюк, менее грубо, но также с ругательствами и под крики Ларионова: “Дураки в красном и дураки в черном”, перебранивался, все-таки “высказываясь”. Ларионова выпроводили за брань, но Бурлюк остался и продолжал. Ларионов продолжает скандалить и кричать за дверью; публика очень хотела туда проникнуть, но двери заперли. Вот какие заседания допустил в своих стенах Литературно-художественный кружок. Было ясно, что пришли на скандал, что им, собственно, интересовались, и это было нелепо в здании клуба литературы и искусства»[47]. Ничего конструктивного не вышло, да и не могло выйти, поскольку каждое объединение поэтов и художников преследовало свои цели. Более того, состав этих объединений постоянно корректировался. Разрывались старые связи, создавались новые.

Примечательно письмо, которое появляется в «Нови» 15 февраля в качестве уточнения к письму от 5 февраля. Его авторы – Маяковский, Большаков и Шершеневич. В нем сказано: «Под кличкой “русские футуристы” – группа, объединенная ненавистью к прошлому, но люди различных темпераментов и характеров <...> Отрицая всякую преемственность от итало-футуристов, укажем на литературный параллелизм: футуризм – общественное течение, рожденное большим городом, который сам уничтожает всякие национальные различия. Поэзия грядущего – космополитична. Вот и вся сказка об учителе и учениках»[48]. И финал: «Авторами письма от 5 февраля были г. г. Д. Бурлюк и Каменский; подписями же остальных, очевидно, воспользовались, как цитатой. Насколько это допустимо, обратитесь к совести авторов»[49]. В целом это письмо мягче предыдущего. Акцент сделан на сходстве, а не на различиях. Интересно, что Шершеневич, который еще недавно с энтузиазмом воспринял приезд Маринетти, теперь перешел в оппозицию, а Маяковский отделил себя от Д. Бурлюка и Каменского, сблизившись с умеренными поэтами. Впрочем, не стоит придавать таким декларациям большого значения, поскольку в конечном счете они выполняли рекламную функцию и к художественной деятельности непосредственного отношения не имели.

Окончательно оформляется позиция газеты. В январе Кожевников и Тугендхольд приветливо отзывались о Маринетти и противопоставляли его декадентам. В феврале в двух заметках Кузьмина обрушивается и на итальянского футуриста, и на его русских

конкурентов. Вот ее главный тезис: «Маринетти? Об его миссии у нас много писалось, повторять не станем. Только восстановим предельный возраст “молодежи”, которой сулят его в властители дум. Кажется, что те дамы и господа, которые переполняли его аудиторию, как ни крути, не подойдут под эту рубрику <...> Не дошло до “молодежи” и принятие Маяковского и Бурлюков. Представители другой, крайней, ультраэстетической партии не нашли путей к ее умам и сердцам»[50]. И еще одна претензия: «Вы хотите быть пророками, но почему вы берете лишь казовую сторону пророков ветхозаветных, их “блевотину”, что извергали они по адресу своих сограждан. Признаете только эту свою преемственность с ними, так неосмотрительно отказываясь от их экстатической цельности?»[51]. Здесь объект критики – футуризм как таковой. В сущности, Кузьмина выносит приговор литературному направлению, не желая признавать его лидеров вождями.

Вторую заметку венчает восклицание: «Довольно!». Не хватало только голосов возмущенных сограждан, о которых пишет Кузьмина. И они зазвучали. 15 февраля в рубрике «Среди читателей» помещается скептическая реплика некоего В. Г. Смирнова. Он называет футуризм ложной, нездоровой, уродливой формой искусства и с тревогой вопрошает: «Не делаем ли мы ошибки, и ошибки непростительной, что много пишем и говорим о футуристах, хотя бы даже с отрицательной точки зрения? Делая это, мы должны помнить, что, печатая в газетах и журналах свои статьи и заметки о футуристах и футуризме, читая о них рефераты и лекции, мы тем самым создаем им славу и известность, которые, может быть, им и нужны, но нам совершенно не нужны <...> Неужели истинное искусство сбилось с своего действительного пути, что мы распространяем славу Ларионовых и Гончаровых, что мы восхваляем каждого приезжего Маринетти?»[52]. Кстати, подобный полемический ход вскоре возьмут на вооружение в советской России. Партийные критики, прорабатывая того или иного неугодного автора, будут апеллировать, помимо прочего, к мнению рядовых читателей.

Заключение

Итак, подведем итог. «Новь» – одна из газет, обстоятельно писавших о визите Маринетти. Опираясь на ее публикации, можно судить о приеме, который оказали итальянскому поэту. Н. И. Хард-

жиев справедливо замечает: «Встречи и столкновения с кубофутуристами убедили Маринетти в том, что русский футуризм вырастает из совершенно особых социальных условий и что его теория и практика не совпадают с программой итальянцев» (2006: 133). Позицию суворинской газеты следует признать не столько консервативной, сколько прагматичной. Начав с комплиментов, сотрудники «Нови» быстро перешли к скептическим репликам и наконец грубо отвергли эстетическую доктрину Маринетти. Кроме того, газета стала площадкой для полемики русских футуристов друг с другом. На ее страницах выстраивались и разрушались тактические союзы, делались громкие заявления. Создается впечатление, что «Новь» пыталась извлечь максимум из приезда популярного поэта и скандала, который этому сопутствовал. Критика футуризма парадоксальным образом сочеталась с эксплуатацией тех же методов, которыми пользовались футуристы.

17 февраля Маринетти уехал в Италию[53]. Он собирался вторично посетить Москву в ноябре 1914 г. вместе с единомышленниками, но Первая мировая война помешала этим планам.

Примечания

[1] Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00003-П, https://rscf.ru/project/20-18-00003/).

[2] Выходила с 15 января 1914 г. по 3 января 1915 г. (перерыв в издании – с 1 июня по 14 ноября 1914 г.). Издатель – А. А. Суворин.

[3] *Кожевников П.* Итальянский футуризм (К приезду Маринетти) // Новь. 1914. Янв., 23. С. 11.

[4] Там же.

[5] См.: К приезду Маринетти // Новь. 1914. Янв., 25. С. 8.

[6] См.: Глава итальянского футуризма Маринетти // Новь. 1914. Янв., 26. С. 1.

[7] См.: Футуристы в кинематографе // Новь. 1914. Янв., 26. С. 6. Несколько дней спустя эта картина будет оценена невысоко. См.: Футуристическая фильма // Новь. 1914. Янв., 30. С. 10.

[8] *Шершеневич В.* Футурист о Маринетти // Новь. 1914. Янв., 26. С. 8.

[9] *Малевич К.* Отмежевавшиеся от Ларионова // Новь. 1914. Янв., 28. С. 5. В своем выступлении Малевич упоминает о фельетоне Б. Петрова, вышедшем в № 10 «Нови» за 1914 г. К сожалению, обнаружить этот фельетон не удалось, поскольку в единственной полной подшивке газеты в РНБ последние страницы нужного номера отсутствуют. По словам Малевича, Петров делит русских футуристов на две группы – последователей Ларионова и Бурлюка. Такое деление вызывает у Малевича протест.

[10] Приезд Маринетти // Новь. 1914. Янв., 28. С. 8.

[11] Там же.

[12] У каждого текста свой заголовок, но второй текст набран под первым, их разделяет лишь тонкая черта. Не исключено, что репортаж с вокзала тоже принадлежит Тугендхольду. На одиннадцатой странице помещена фотография с вокзала. См.: Приезд Маринетти в Москву // Новь. 1914. Янв., 28. С. 11.

[13] *Т–д.* Лекция Маринетти // Новь. 1914. Янв., 28. С. 8.

[14] Там же.

[15] См.: *Шершеневич В.* Новый манифест Маринетти // Новь. 1914. Янв., 28. С. 11.

[16] См.: Первая лекция в Москве вождя футуризма Маринетти // Новь. 1914. Янв., 29. С. 1.

[17] *Боровой А.* «Футуризм» Маринетти // Новь. 1914. Янв., 29. С. 2.

[18] Там же.

[19] С одной стороны, Тугендхольд упоминает о Политехническом музее, в котором проходила первая лекция. С другой стороны, в его статье есть слово «вчера» (то есть 28 января, когда состоялась вторая лекция – в Малом зале консерватории). Можно предположить, что оба выступления были приняты в расчет.

[20] *Тугендхольд Я.* Маринетти и «умственная гигиена» // Новь. 1914. Янв., 29. С. 3. «Прошлая статья» – это репортаж от 28 января, подписанный псевдонимом «Т–д». В нем отсутствует ясно сформулированный вопрос: «Во имя чего?» И о карикатуре на Базарова речи не идет. Однако идейная связь двух материалов все-таки прослеживается. Других статей Тугендхольда до 29 января в «Нови» обнаружить не удалось.

[21] Там же.

[22] Лекция Маринетти // Новь. 1914. Янв., 29. С. 8.

[23] Беседа с Маринетти // Там же.

[24] *Ларионов М.* К распре футуристов (Письмо в редакцию) // Там же.

[25] Там же.

[26] Там же.

[27] «Но это банально, старикан!» // Новь. 1914. Янв., 30. С. 2.

[28] Там же.

[29] *Боровой А.* Герои и толпа // Новь. 1914. Янв., 30. С. 2.

[30] *Ф.* Г. Маринетти в натуре // Там же.

[31] Там же.

[32] Там же.

[33] Там же. С. 3.

[34] См.: *Неро.* Триумф Маринетти // Новь. 1914. Янв., 30. С. 3.

[35] *Шершеневич В.* Письмо в редакцию // Новь. 1914. Янв., 30. С. 9.

[36] Там же.

[37] Маринетти пробыл в Петербурге с 1 по 8 февраля, выступив с двумя лекциями в концертном зале Калашниковской биржи. Об этом подробно писали Н. И. Харджиев и А. В. Крусанов.

[38] *Кузьмина Н.* Грустное прощание // Новь. 1914. Янв., 31. С. 3. В газете, вероятно, опечатка (Кузмина), поскольку в двух более поздних текстах этого же автора мягкий знак не пропущен (Кузьмина).

[39] *Ларионов М.* Ларионов о Маринетти // Там же.

[40] К приезду Маринетти // Новь. 1914. Февр., 5. С. 6. Вслед за А. В. Крусановым стоит подчеркнуть, что в тексте второго «Садка судей» ничего не говорится об итальянском футуризме.

[41] Там же.

[42] Приезд Ф. Маринетти // Новь. 1914. Февр., 6. С. 8.

[43] Маринетти в Москве // Новь. 1914. Февр., 11. С. 5.

[44] Ф. Маринетти о России // Новь. 1914. Февр., 12. С. 9.

[45] *А.* Последние течения (Диспут 12-го февраля) // Новь. 1914. Февр., 13. С. 5.
[46] Там же.
[47] *К–ий.* Маринетти и русские «футуристы» // Новь. 1914. Февр., 14. С. 5.
[48] Письмо в редакцию (К письму в «Нови» от 5 февр.) // Новь. 1914. Февр., 15.
[49] Там же.
[50] *Кузьмина Н.* Кто наши вожди? // Новь. 1914. Февр., 14. С. 10.
[51] *Кузьмина Н.* О футуристах // Новь. 1914. Февр., 15. С. 9.
[52] *Смирнов В. Г.* Стоит ли говорить о футуристах? // Новь. 1914. Февр., 15. С. 9.
[53] См. об этом: Отъезд Маринетти // Новь. 1914. Февр., 18. С. 5.

Библиография

Алякринская Н. Р. Маринетти в зеркале русской прессы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2003. № 4. С. 77–89.

Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Лившиц Б. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л.: Сов. писатель, 1989.

Поддубцев Р. А. «Калишские беглецы»: поэты-футуристы в газете «Новь» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2019. № 4. С. 114–125.

Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: колл. монография / отв. ред. и сост. *А. А. Холиков*, при участии *Е. И. Орловой*. М.: ИМЛИ РАН, 2021.

Харджиев Н. И. От Маяковского до Крученых: Избранные работы о русском футуризме. М.: Гилея, 2006.

Notes

Kozhevnikov P. (1914) *Ital'yanskiy futurizm* (K priezdu Marinetti) [Italian Futurism (For the Arrival of Marinetti)]. Nov. 23 Jan.

K priezdu Marinetti [For the Arrival of Marinetti]. Nov. 1914. 25 Jan.

Glava ital'yanskogo futurizma Marinetti [Head of Italian Futurism Marinetti]. Nov. 1914. 26 Jan.

Futuristy v kinematografe [Futurists in Cinema]. Nov. 1914. 26 Jan.

Futuristicheskaya fil'ma [Futuristic Film]. Nov. 1914. 30 Jan.

Shershenevich V. (1914) *Futurist o Marinetti* [Futurist about Marinetti]. Nov. 26 Jan.

Malevich K. (1914) *Otmezhevavshiesya ot Larionova* [Dissociated from Larionov]. Nov. 28 Jan.

Priezd Marinetti [Marinetti's Arrival]. Nov. 1914. 28 Jan.

Priezd Marinetti v Moskvu [Marinetti's Arrival in Moscow]. Nov. 1914. 28 Jan.

T–d. (1914) *Lektsiya Marinetti* [Marinetti's Lecture]. Nov. 28 Jan.

Shershenevich V. (1914) *Novyy manifest Marinetti* [Marinetti's New Manifesto]. Nov. 28 Jan.

Pervaya lektsiya v Moskve vozhdya futurizma Marinetti [The First Lecture in Moscow by the Leader of Futurism Marinetti]. Nov. 1914. 29 Jan.

Borovoy A. (1914) *"Futurizm" Marinetti* [Marinetti's "Futurism"]. Nov. 29 Jan.

Tugendkhol'd Ya. (1914) *Marinetti i "umstvennaya gigiena"* [Marinetti and "Mental Hygiene"]. Nov. 29 Jan.

Lektsiya Marinetti [Marinetti's Lecture]. Nov. 1914. 29 Jan.

Beseda s Marinetti [Conversation with Marinetti]. Ibid.

Larionov M. (1914) *K raspre futuristov (Pis'mo v redaktsiyu)* [On the Feud of the Futurists (Letter to the Editor)]. Ibid.)

"No eto banal'no, starikan!" ["But it's Corny, Old Man!"]. Nov. 1914. 30 Jan.

Borovoy A. (1914) *Geroi i tolpa* [Heroes and the Crowd]. Nov. 30 Jan.

F. (1914) G. *Marinetti v nature* [Mr. Marinetti in Kind]. Ibid.

Nero. (1914) *Triumf Marinetti* [Marinetti's Triumph]. Nov. 30 Jan.

Shershenevich V. (1914) *Pis'mo v redaktsiyu* [Letter to the Editor]. Nov. 30 Jan.

Kuz'mina N. (1914) *Grustnoe proshchanie* [Sad Farewell]. Nov. 31 Jan.

Larionov M. (1914) *Larionov o Marinetti* [Larionov on Marinetti]. Ibid.

K priezdu Marinetti [For the Arrival of Marinetti]. Nov. 1914. 5 Feb.

Priezd F. Marinetti [F. Marinetti's Arrival]. Nov. 1914. 6 Feb.

Marinetti v Moskve [Marinetti in Moscow]. Nov. 1914. 11 Feb.

F. Marinetti o Rossii [F. Marinetti about Russia]. Nov. 1914. 12 Feb.

A. (1914) *Poslednie techeniya (Disput 12-go fevralya)* [The last trends (Disput on February 12th)]. Nov. 13 Feb.

K–iy. (1914) *Marinetti i russkie "futuristy"* [Marinetti and the Russian "Futurists"]. Nov. 14 Feb.

Pis'mo v redaktsiyu (K pis'mu v "Novi" ot 5 fevr.) [Letter to the Editor (For the Letter in Nov dated February 5)]. Nov. 1914. 15 Feb.

Kuz'mina N. (1914) *Kto nashi vozhdi?* [Who are our Leaders?]. Nov. 14 Feb.

Kuz'mina N. (1914) *O futuristakh* [On the Futurists]. Nov. 15 Feb.

Smirnov V. G. (1914) *Stoit li govorit' o futuristakh?* [Is it Worth Talking about Futurists?]. Nov. 15 Feb.

Ot"ezd Marinetti [Marinetti's Departure]. Nov. 1914. 18 Feb.

References

Alyakrinskaya N. R. (2003) Marinetti v zerkale russkoy pressy [Marinetti in the Mirror of the Russian Press]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 4: 77–89. (In Russian)

Khardzhiev N. I. (2006) *Ot Mayakovskogo do Kruchenykh: Izbrannye raboty o russkom futurizme*. [From Mayakovsky to Kruchenykh: Selected Works on Russian Futurism]. Moscow: Gileya Publ. (In Russian)

Kholikov A. A. (ed.) (2021) *Russkaya literatura i zhurnalistika v predrevolyutsionnuyu epokhu: formy vzaimodeystviya i metodologiya analiza: kollektivnaya monografiya*. [Russian Literature and Journalism in the Pre-Revolutionary Era: Forms of Interaction and Methodology of Analysis: a collective monograph]. Moscow: IMLI RAN Publ. (In Russian)

Krusanov A. V. (2010) *Russky avangard: 1907–1932 (Istorichesky obzor) V 3 t. T. 1. Boyevoye desyatiletiye. Kn. 2* [Russian Avant-Garde: 1907–1932 (A Historical Overview) In 3 vol. Vol. 1. The War Decade. Book 2]. Moscow: New Literary Observer Publ. (In Russian)

Livshits B. (1989) *Polutoraglazyy strelets: Stikhotvoreniya, perevody, vospominaniya*. [One-and-a-Half-Eyed Sagittarius: Poems, Translations, Memoirs]. Leningrad: Soviet Writer Publ. (In Russian)

Poddubtsev R. A. (2019) "Kalishskie begletsy": poety-futuristy v gazete "Nov'" ["Kalishskie Begletsy": Futurist Poets in the Nov Newspaper]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 4: 114–125 (In Russian)

Поступила в редакцию
31.08.2023